

и ее члены — дежурить в приемной у председателя Совета министров и у других министров. А так как направление правительства совершенно явно выказалось, и оно заключалось в том, чтобы править Россией не в соответствии с народным самосознанием, а в соответствии с мнениями, большей частью эгоистичными, а иногда и просто фантазиями кучки людей, находящихся вблизи трона, то, очевидно, Дума, выбранная по закону, изданному после 17 октября, никоим образом и ни в каком случае не могла бы ужиться с таким правительством.

Но Столыпин этого, по-видимому, не понимал, или не хотел понимать, рассчитывая, что в конце концов Дума подчинится фантазиям и государственным экспериментам правительства, имеющего почву не в уважении и популярности России, а в выборе, основанном на угодничестве тех лиц, которые понравились.

Около того времени произошли следующие события личного свойства, но имеющие государственное значение.

10 марта умер Константин Петрович Победоносцев. Это был последний могиан старых государственных воззрений, разбитых 17 октября 1905 г. Но тем не менее, как я уже имел случай говорить, — это был действительно очень крупный могиан. К. П. Победоносцев был редкий государственный человек по своему уму, по своей культуре и по своей личной незаинтересованности в благах мира сего, которые приобрели такое преимущественное влияние на решение дел в последние годы, особенно во время министерства Столыпина.

Я считал потребностью своего сердца быть на первой и на последующих панихидах над трупом К. П. Победоносцева, а также присутствовать на его похоронах.

Смерть эта подняла во мне все воспоминания прошедшего, а особенно воспоминания о светлых годах царствования императора Александра III.

14 марта последовало в Москве убийство члена первой Государственной думы Иоллоса. Как я уже рассказывал, убийство это было произведено Казанцевым и Федоровым в антракте между двумя покушениями на меня.

31 марта умер председатель Государственного совета Фриш (который заменил графа Сольского); это был честный человек, прекрасный юрист, весьма добросовестный человек, но в конце концов — это был только государ-

ственный юрист и чиновник. Вместо него последовало назначение Акимова.

Назначение это всех довольно удивило, ибо Акимов представляет собою человека более нежели ограниченного, без всякого государственного воспитания, сравнительно мало культурного, человека честного, но не имеющего никакого государственного опыта.

Акимов был назначен председателем Государственного совета в то время, когда на этот пост имели большие права, нежели он, десятки лиц, а потому было ясно, что Акимов был назначен вследствие того, что он представляет собою, с одной стороны, реакционера, а с другой — человека с полицейским кулаком и послушного.

Я думал, что вследствие этих его качеств Акимов был выбран государем императором, но потом мне говорили, что будто бы государь останавливался и на других лицах, но что назначение Акимова произошло вследствие желания Столыпина. Столыпин же пожелал Акимова будто бы потому, что вообще Столыпин желал иметь такого председателя Государственного совета, который бы шел по его указаниям, а, конечно, такого между членами Государственного совета было бы очень трудно найти. Так, между прочим, останавливались на Горемыкине, но, конечно, Горемыкин не мог бы быть в умственном и нравственном подчинении у Столыпина уже по одному тому, что он имеет несравненно больше сведений, знаний и государственного опыта, нежели Столыпин. При таких обстоятельствах Столыпин будто бы виделся с Акимовым, и Акимов обещал ему, что, если он будет назначен председателем Государственного совета, то всячески будет содействовать Столыпину, т. е. будет находиться у него как бы в услужении.

Должен сказать, что в действительности этого не было. Акимов, большею частью, шел и вел дело не в соответствии со стремлениями Столыпина, и Столыпин говорил своим близким, что его Акимов как бы провел, что если бы он знал, что Акимов будет таков, то он бы его не рекомендовал.

В марте месяца был уволен от должности директор Политехнического института князь Гагарин.

18 февраля был сделан обыск в общежитии Политехнического института, и в этом общежитии будто бы была

найдена бомба, вследствие чего общежитие было закрыто (оно закрыто и по настоящее время). Правление института было отдано под суд,—это послужило причиной увольнения князя Гагарина.

Князь Гагарин — прекраснейший, честнейший и благороднейший человек, с характером ученого, в высокой степени порядочной семьи. Все его семейство представляет собою образец порядочности. Жена князя Гагарина — близкая родственница Столыпина.

Как мне тогда же говорили, эта пресловутая бомба не была заготовляема в общежитии, а была подброшена полицией для того, чтобы иметь повод закрыть общежитие института, а затем и привлечь правление в суд. Иначе князя Гагарина было бы очень трудно привлечь в суд по обвинению в революционных стремлениях, так как он принадлежал к такой семье, что предположение о его революционных стремлениях не могло бы выдержать никакой критики.

В конце концов, князя Гагарина отдали под суд и судили в сенате; суд этот был устроен довольно искусственно.

Князя Гагарина отпустили от должности, но через это он несколько не потерял уважения ни в обществе, ни между всеми его знакомыми.

После суда над ним я виделся с женою князя — княгиней Гагариной, которая рассказала мне всю эту историю; она мне объяснила, что все это было подстроено. Когда же я ее спросил: говорили ли вы об этом Столыпину? — то она мне ответила, что с таким п... она говорить и знать не намерена.

Когда открылась вторая Государственная дума, то, конечно, прежде всего приступили к рассмотрению бюджета. Этим думали в значительной степени занять и отвлечь внимание Государственной думы от более колких вопросов, но так как с первого же раза обрисовался характер Думы, то правительство многие из тех законов, которые оно издало по статье 87-й, а главным образом законы характера политического и полицейского, не представило в Государственную думу, почему законы эти потеряли свою силу, хотя на практике то же самое продолжало действовать, но не в силу закона, а в силу сепаратных распоряжений и произвольных действий правительства.

7 мая последовало правительственное сообщение в Государственной думе и Государственном совете «о задер-

жании членов преступных сообществ, поставивших целью посягнуть на жизнь государя, великого князя Николая Николаевича и Столыпина». Дело это затем слушалось в с.-петербургском военно-окружном суде в августе месяце. Но так как оно слушалось при закрытых дверях, то разобраться в этом деле крайне трудно.

Меня уверяют — это мнение поддерживают и заграничные левые издания — что будто бы все дело, если не вполне, то в значительной мере, было выдуманно и проинспирировано для того, чтобы произвести впечатление на общество.

Я, с своей стороны, не берусь поддерживать такое мнение, хотя, с другой стороны, после всех историй с провокациями, с Азефом и прочими историями, касающимися действий секретной полиции и самого Столыпина, я бы не дал свою руку на отсечение в доказательство того, что покушение это действительно имело место.

Меня в особенности удивляет то обстоятельство, что в этом деле Столыпин поставил свое имя наряду с именем государя и великого князя Николая Николаевича.

Во время междудумья по статье 87-й, между прочим, также был издан и закон «Об ответственности за возбуждение преступных деяний в речи и печати». Правительство не хотело прекратить действие этого временного закона вследствие непредставления его в Государственную думу, почему закон этот и был представлен в Государственную думу, но 21 мая он был Думою отклонен.

Все время проявлялось явное разногласие между деятельностью правительства и деятельностью Государственной думы. Было ясно, что так дело идти не может. А потому Столыпин начал разрабатывать вопрос о том, каким образом сделать так, чтобы под благовидным предлогом распустить вторую Государственную думу и затем, в случае разгона второй Думы, решить вопрос, как поступить: собрать ли третью Думу или же сделать *coup d'état* — государственный переворот.

К этому времени Столыпин приобрел уже значительную силу и в глазах императора и придворной партии. Сила Столыпина заключалась в одном его несомненном достоинстве, это — в его темпераменте. По темпераменту